

Евгений ПЕРЕМЫШЛЕВ

Один эпизод из истории застенчивой влюблённости и неподдельной страсти

Давным и давно известно, что подпольный миллионер Александр Иванович Корейко любил внучку старого ребусника Зосю Синицкую, любил робко и безответно. Но это была влюблённость — чувство, которое греет и лишь изредка обжигает. Душа Александра Ивановича между тем раз и навсегда опалена была подлинной страстью, безумной и ненасытной. Он боготворил деньги.

И если влюблённость Александра Ивановича так и не нашла должного отклика, то страсть к деньгам — кто бы подумал — не осталась без ответа. Воздалось ли подпольному миллионеру за его (столь редкое в наш лицемерный век) искреннее чувство десятилетиями либо сторицей, не знает никто. Чемоданчик, где хранил Корейко свои миллионы, при свидетелях не раскрылся ни разу. И даже такой внимательный наблюдатель, каким являлся Остап Бендер, не смог бы оценить, сколько миллионов хранилось в этом невзрачном с виду, но поистине удивительном чемоданчике.

Что ж, печально вздохнём и разведём руками: нет — так нет. Да и что нам до чьих-то приятней и антипатий? Обратимся к вещам более понятным. Или, по крайней мере, подвластным анализу и оценке. Посмотрим, на фоне каких декораций разворачивался упомянутый любовный эпизод.

Вот Александр Иванович, столовавшийся у Синицких, после обеда с чудесным борщом, неудачного признания в любви и полученного отказа выходит с Зосей на улицу. Впору зажмурить глаза, настолько южный город полон соблазнов: «В раскрытых настежь буфетах искусственных минеральных вод толпились молодые люди без шляп, в белых рубашках с закатанными выше локтя рукавами. Синие сифоны с металлическими кранами стояли на полках. Длинные стеклянные цилиндры с сиропами на вертящейся подставке мерцали аптекарским светом. Персы с печальными лицами калили на жаровнях орехи, и угарный дым манил гуляющих».

Сколько можно бы рассказать и про буфеты искусственных минеральных вод, и про цилиндры, наполненные сиропами, что установлены на круглых подставках. Хотя бы про источник имми «аптекарский свет». Именно так, не более — свет, именно так — мерцающий. Потому что ничего и не осталось, кроме памяти о прошлом. Когда-то за стеклом аптеки непременно были выставлены стеклянные шары с подкрашенной водой, перенимавшие от неё цвета. Красный, синий, жёлтый. Эти шары в витрине, собственно, были опознавательным знаком, эмблемой, вроде кренделя или булки над входом в булочную, вроде часов над дверью часового магазина. Довольно взглянуть на витрину, чтобы понять — это аптека. И ни в коем разе не аптечный магазин. Вечерами и ночью шары подсвечивали. Таинственный, не очень яркий их свет, почти мерцающие запомнились многим. И сохранился в памяти, для которой имеется только прошлое, а настоящее существует в том объёме, что отражает фрагменты минувшего. Есть также сиюминутное, от памяти свободное,

почти мгновенное: было ли, не было, мелькнуло, забылось. Память непреходяща.

Сиюминутным живёт Зося Синицкая. Ей хочется в кино, хочется орехов, пропахших окалиной жаровни, и сельтерской воды с сиропом. Ей нечего вспоминать, в отличие от Корейко, она не помнит времени фигурных вывесок на фасадах домов, разноцветных стеклянных шаров в аптечных витринах. Не знает она, почему кинотеатр, куда зовёт её молодой человек в замечательных сандалиях, имеющий две контрамарки, носит такое название. Не знает, потому что не помнит. Когда название появилось, она была ещё настолько мала, что не обращала внимания на вывески и витрины, поскольку не умела читать и не ходила в одиночку по улицам, тем более — не бывала в кинотеатре. Возможно, знает это Александр Иванович, но он так расстроен, между влюблённостью и страстью отдав предпочтение страсти и не рискуя достать из кармана железную коробку от папирос «Кавказ», где лежали десять тысяч рублей двадцатипятирублёвками, что ему не до воспоминаний. И читатель романа, по возрасту ближе к Зосе Синицкой, чем к Корейко, не узнали, почему кинотеатр называется «Камо грядеши», быв. «Квоадис», посчитав, будто соавторы высмеяли смехотворную тягу к переименованиям и непререкаемую русификацию, набравшую силу в тридцатых годах, и только.

Надо заметить, явления это между собой напрямую не связанные, отчасти разные. Переименования, конечно, для недавней истории весьма характерны. Названный по фамилии московского губернатора Большой Чернышёвский переулок (между ним и Хлыновским туликом располагался дом, где находилась типография «Гудка» и общежитие для работников газеты) на глазах Ильфа и Петрова стал улицей Станкевича — бог мой, какие нехитрослеления демонстрирует история — даже не в память известного общественного деятеля, а по родству, в память его брата. Так поступали и будут впредь поступать все победители. Они снимают шлем или каску и при этом теряют голову, начинают сражаться не с идеями, со словами. Одни победители переименовывают Большую Алексеевскую улицу в Большую Коммунистическую, другие Большую Коммунистическую перекрещивают в улицу Солженицына. В выигрыше остаются изготовители уличных табличек — любая перемена для них благо, и внакладе — составители ежегодных справочников, этих изменений отнюдь не радуют. Почему не обойтись доступным? Называлась же эта самая Коммунистическая улица улицей Коммунаров. Измените единственную букву (её в любую табличку можно вписать от руки), и опаснейшее словосочетание обернётся европейской политкорректным. Улица Коммуналов, может быть, и парижских. Ненавистный эпитет «красный» будет преобразён, если к слову добавить краткую приставку. И возникнут Инфракрасная Пресня, комплимент «инфракрасная девушка», время года «лето инфракрасное». Современное, дешёвое, неангажированное.

Русификация тоже выдумка не советской эпохи. Как потешались над адмиралом Шишковым за его склонность к словесной архаике, приписывали ему разные «игралища» и «позорища», должные якобы заменить слова «актёр» и «театр». Но он такого вздора и в помыслах не имел. Адмирал Шишков писал о том, что надо бы не слепо и глухо перенимать у чужих языков, на коих мыслят и пишут просвещённые народы, внешние оболочки слов, им легко подыскать выразительные аналоги в родном языке, а смыслы.

Вернёмся, однако, к названию иллюзиона. Комментаторы считают, что название это выдуманно, пусть и не в пустом месте, фильм по книге Генриха Сенкевича был, как говорили когда-то, настоящим «боевиком», то есть бил все кассовые сборы, как сказали бы потом. В общем-то, верно, но слишком общо.

Роман «Quo vadis», вышедший на русском языке и под названием «Камо грядеши», и под названием «Куда идёшь», и под оригинальным названием без перевода, был опубликован книгой в 1896 году и тут же снискал огромную популярность. Динамичный сюжет, обязательные или притягивающие в неприглядности своей персонажи, яркие чистые тона. Думаю, основное свойство романа — и достоинство, и недостаток его — в том, что это очень шляхетская книга, появившаяся несвоевременно: было пока не видно, насколько она точна. Первая мировая война была впереди, а до промежутка между мировыми войнами, пакта Молотова — Риббентропа, годы и годы. Петроний, драматург, философ-стоик, каким он нарисован в романе, это не римлянин эпохи Нерона, это поляк времён раздела Польши, круглые дни просиживающий в кафе за кружкой пива, за чашечкой кофе, грустный остроумец, интеллект, бессильный что-либо изменить, обречённый наблюдать, как мчится к концу этот мир, и вместе с миром он сам, Юлиан Тувим, Станислав Игнацы Виткевич.

Роман, впрочем, написан мастерски и мог привлечь самую широкую читательскую аудиторию. Иные достоинства нашёл Ватикан: книга рассказывала о рождении христианства, красиво и потому убедительно. Слепящий песок цирковой арены, алая кровь на нём, белые одежды патрициев, загорелые тела рабов, и Нерон, на фоне горящего Рима поющий торжественную песнь. Роман оказался так сообразно выстроен и ёмок, что его структура выдержала бы и кое-какие поздние интерполяции. Романист написал книгу об абсолютной власти, которая по своей природе враждебна жизни отдельного человека. И не мудрено, что вместо Льва Толстого, впрок отказавшегося от награды и о том заявившего, Нобелевскую премию по литературе получил Генрик Сенкевич. Формально рассуждая, он первый из российских писателей стал нобелевским лауреатом, поскольку являлся подданным империи. Не мудрено, что по лучшему его роману через несколько лет сняли фильм. Сняли бы раньше, да кинематограф был не готов к масштабным и многофигурным постановкам.

Режиссер Энрико Гуаццони поставил фильм по книге «Quo vadis» в 1912 году на итальянской студии «Чинес». А весной 1913 года фильм был показан в крупнейших странах Европы. Премьеры состоялись поочередно в Венгрии, Польше, Швеции, САСШ (тогда рассматривавшихся как страна европейская), Германии, Франции, Нидерландах, Испании. В Великобритании фильм демонстрировали в «Альберт-холле», на сеансе присутствовали по двадцать тысяч зрителей сразу, королевская чета удостоила личной похвалы одного из актёров. Небезынтересно, что в Берлине фирма «Чинес», имевшая кинотеатры в разных европейских городах, специально для этого открыла пятый по счёту кинотеатр.

Сейчас таких сведений нет под рукой, но пусть кинотеатр был назван по названию фирмы, в обиходе он должен бы именоваться «Quo vadis». Как иначе, ежели кинотеатр открыт именно для премьерного показа?

Интерес к фильму не стихал до самого конца первой мировой войны. А когда война закончилась, фильм «Кабириа», снятый двумя годами позднее, и фильм «Камо грядеши» стараниями Ватикана опять выпускают в прокат. В Финляндии эта повторная, а для финнов — единственная, премьера состоялась в конце января 1922 года.

Сей факт помогает истолковать стихотворение Игоря Северянина, построенное на эстонских реалиях (расстояние от Финляндии до Эстонии — сущие пустяки).

Ежевечерно из «Quo vadis»
Играл чахоточный цитрист.

Речь тут не о музыке. Вернее, не о конкретной мелодии или теме. Фильм был немой и демонстрировался в разных кинотеатрах с различным музыкальным сопровождением. Для премьеры в парижском «Гомон-паласе» композитор Жан Ногэ сочинил особую музыку и хорал, который исполняли 150 певцов. В эстонской Тойле, должно быть, имелся тапёр, а перед очередным сеансом или после него в фойе играли здешние музыканты, развлекающая публику. Вот только название кинотеатра говорит о многом.

Наверняка в России, где и до премьеры знаменитого фильма модно было давать кинотеатрам названия античные, «Форум» или «Колизей», происходило нечто подобное. Премьера забылась, а именование кинотеатра, где премьера эта прошла, осталось в памяти. Именование, данное по названию фильма, неофициальное.

И жаль, что Александр Иванович Корейко не попал в кино и вместе с ним в фойе не оказались и читатели. Там бы наверняка отыскалось что-нибудь, весьма достойное любопытства. Что ж, печально вздохнём и разведём руками: нет — так нет. Да и на какой такой фильм мог он пригласить Зосю Синицкую летом 1930 года? «Земля»? «Праздник святого Йоргена»?

Ирина ВИКТОРОВА

Всего 24 секунды

В Саратове, в Правобережье, к 60-летию подвига одессита Павла Шклярука открылся памятник ему и всем летчикам, погибшим в мирное время.

Меня поразило число. 24 секунды. Весь полет над Увеком продолжался 24 секунды... Напомню, что Шклярук — курсант Армавирского авиационного училища летчиков — 6 июня 1966 года выполнял учебный полет над поселком Увек в Саратове. На высоте трехсот метров у самолета отказал двигатель. Очевидцы наблюдали, как он то зависал на месте, то снижался и у железнодорожного моста начал стремительно терять высоту. Лётчик мог катапультироваться, но высота уже слишком мала, а внизу — баки нефтебазы, мост с пассажирскими и товарными составами, пляж с отдыхающими. У него не оставалось времени на колебания и сомнения, ни секунды... Он просто отжал штурвал от себя, и самолет упал в Волгу... Курсанту было только 20 лет.

В Новошахтинске живет одноклассник Павла по училищу Владимир Бараев. Он вспоминает: «В тот день отделение Паши проводило полеты во вторую смену, а наше — в первую. Вечером я

должен был встретиться с Пашей на волейбольной площадке. Мы всегда играли после полетов. Но на этот раз встреча не состоялась... Обычно ребята из приморских городов хотят быть моряками, а Пашу покорила пятая океан. В Одессе он занимался в авиационно-спортивном клубе. Ему нравились прыжки с парашютом и полеты на планере... Сохранилась документальная запись переговоров пилота с землей. Не могу без волнения слышать, как он внешне спокойно говорит о принятии единственно правильного решения: «Сажусь на Волгу...».

Каждый год 6 июня опускают саратовцы в Волгу цветы у места гибели летчика. А в 2014 году усилиями ветеранов Заводского района и летчиков-соучеников Павла город отдал дань памяти мужественному одесситу. В Увек, на крутом волжском берегу, установили мемориальный камень курсанту Шкляруку. Тогда же его товарищи, сами уже седоусые ветераны, поклонились: поставим к круглой дате — полвека — памятник Паше и всем погибшим товарищам!

Два года продолжался сбор средств. Это не государственный проект. Деньги сдавали летчики, ветераны, жители города. Помогли общественные организации. Собирали всем миром. И памятник с силуэтом самолета рядом с Па-

шиным мемориальным камнем открылся! Поставив Паши Шкляруку и погибшим в мирное время летчикам. У них тоже не было времени на колебания:

Как будто бежишь по песку ты,
А двигатель правда стоит.
Секунды, секунды, секунды,
Последние шансы твои.
(Юрий Визбор, песня посвящена Шкляруку.)

На дорожке, ведущей к Волге, теперь есть и аллея Памяти погибших. «Спасибо вам за памятник, за то, что нам теперь есть куда прийти возложить цветы и склонить голову, вспоминая погибших товарищей», — сказал на открытии Михаил Андреев, летчик, назвавший своего сына Павлом. Тот пошел по стопам отца и тоже окончил летное училище... Саратов помнит. Спасибо, Одесса!